

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 92–101. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 92–101. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09»19»

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-92-101>

ЭПИЧЕСКИЙ РОМАН: К ПРОБЛЕМЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ТЕРМИНА ОТ ПСЕВДОСМЫСЛОВ

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье рассматривается понятие эпического романа – особого исторического жанрового явления второй половины XIX в. Автор рассуждает о псевдоназваниях, которые появились в советском литературоведении в силу его политизированности и идеологичности ещё в 1920–1930-е гг. и показывает, что термины эпический роман и роман-эпопея были использованы в указанное время в угоду партийным задачам, но вразрез с истинными их смыслами. Как отмечается в статье, для этого потребовался отказ от традиций русской классической литературы, отречение от генетической памяти универсального видения мира и человека, свойственных русскому православному человеку. Аналитическое осмысление полемики литературоведов разных поколений позволило показать, что ряд исследователей, справедливо увидевших проблему, забыли «оправдать» вышеуказанные термины. Автором статьи объясняется значимость использования понятия эпический роман в его истинном значении, по отношению к объемным произведениям русской классической литературы.

Ключевые слова: эпос, роман, эпический роман, русская классика, жанр, мирообраз, идеология, псевдосмыслы, советская критика, советское литературоведение, идеал.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Андреева В.Г. Эпический роман: к проблеме освобождения термина от псевдосмыслов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 92–101. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-92-101>

Research Article

EPIC NOVEL: TO THE PROBLEM OF LIBERATING TERMS FROM PSEUDO-MEANINGS

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Kostroma State University, Kostroma, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article examines the concept of an epic novel – a special historical genre phenomenon that arose as a result of the successful implementation by Russian classics of the second half of the 19th century. The author discusses the pseudo-names that appeared in Soviet literary criticism due to its politicisation and ideologisation back in the 1920s–30s and she shows that the terms of epic novel and epos novel were used at the indicated time for the sake of the Communist party tasks, but contrary to their true meanings. As noted in the article, this required a rejection of the traditions of Russian classical literature, a rejection of the genetic memory of the universal vision of the world and human inherent in the epic novel. Analytical comprehension of the polemics of literary critics of different generations made it possible to show that a number of researchers who rightly saw the problem, forgot to “rehabilitate” the above concepts and transferred the line of denial of Soviet ideology to the terms themselves. The author of the article explains the importance of using the concept of an epic novel in its true meaning, in relation to the voluminous works of Russian classical literature.

Keywords: epic, novel, epic novel, Russian classics, genre, world image, ideology, pseudo-meanings, Soviet criticism, Soviet literary criticism, ideal.

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-012-00102

For citation: Andreeva V.G. Epic novel: on the problem of making terms devoid of pseudo-meanings. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 92–101 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-92-101>

Исторические условия второй половины XIX в., специфика общественно-политической ситуации в России, особая роль, которая отводилась в то время литературе, не просто оценивавшей действительность, но и предлагавшей различные пути для дальнейшего развития страны, понимание русскими писателями первого ряда (Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, И.С. Тургеневым) неведомой Западной Европе соборности русской жизни способствовали появлению эпического романа – особого исторического жанрового явления, выступившего антитезой нараставшим в обществе модернистским веяниям: общей раздробленности, обособлению, ощущению людьми взаимной чуждости. Своеобразно, оригинально и наиболее полно (по сравнению с произведениями других романистов) основы незабываемых ценностей русского мира, поисками которых были заняты многие литераторы, воплотились в художественных мирах Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. Разумеется, рассуждение о второй половине XIX в. должно включать поэтапный разбор ситуации определенных десятилетий или даже общественных идей отдельных нескольких лет, так как настроения и сомнения 1860-х гг. решительно отличались от пореформенной поры 1870–1880-х гг. Отдельным эпическим романам указанной поры посвящен ряд статей нашего коллектива исследователей, работающих над проблемой своеобразия русского эпического романа [Андреева 2020а; Андреева 2020б; Гулин; Ермолаева; Казакова; Михновец 2020а; Михновец 2020б], однако и обобщенно можно констатировать, что в то время как писатели-демократы обратились к изучению новых, на первый взгляд прогрессивных, а нередко утопичных или иллюзорных предпочтений молодежи, а многие беллетристы использовали пореформенное затишье конца 1860-х и 1870-х гг. для продвижения своих идей, воспользовавшись обращением публики к эстетике, создали романы о красивом прошлом, эпические романы Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева воплотили не только проблемы времени, но и идеалы жизни православной России.

Целью данной статьи является объяснение значимости и актуальности использования терминов роман-эпопея и эпический роман в их истинных значениях, по отношению к объемным произведениям русской классической литературы, осмысление полемического диалога советских ученых, в том числе реплик М.М. Бахтина, косвенно оказавшегося втянутым в спор не просто о жанре, но о роли литературы, пути России, свободе личности.

В № 3 журнала «Вопросы литературы» за 1998 г. вышла концептуальная статья Галины Белой ««Фокусническое устранение реальности» (О понятии “роман-эпопея”)». При многих справедливых замечаниях

в статье оказались негативно освещенными термины эпический роман и роман-эпопея, в большей степени даже первое понятие, хотя термин «роман-эпопея» как чаще употребляемый вынесен автором в название статьи.

Г. Белая рассуждает о псевдоназваниях и фикциях, которые появились в советском литературоведении в силу его политизированности и идеологичности ещё в 1920–30-е гг. и далее давали о себе знать в последующие десятилетия. «И то, что путь нового общества должен сопровождаться рождением небывало крупных художественных форм, соответствующих ей по масштабу (например, роман-эпопея), тоже казалось естественным. Государство жаждало самоутверждения и теоретического подтверждения своей исключительности и торопило культуру», – отмечает Г. Белая, показывая, что это государство выбрало себе для увенчания революции именно «эпос»: «Понятие “эпос” изначально имело статус идеологический (таково было “социальное задание”), но выступило оно в советской науке как теоретическая декорация новой методологии» [Белая].

Советские идеологи или не учитывали, или обходили стороной осмысление эстетической природы древних эпоев и примеры национального эпоса русской классической литературы, вершинные произведения которой пытались воскресить гармонию мира, восстановить некогда утраченную целостную эпическую картину жизни. «Эпопея, как никакой другой жанр, фиксирует генетическую память универсального и всеохватного видения мира и человека в нем... Эпопея стала показателем развития той или иной национальной литературы, а ее отсутствие ставило под сомнение в сознании современника сам факт существования литературы», – отмечает В.А. Беглов [Беглов: 10].

И тут видно «лукавство» некоторых критиков и литературоведов постреволюционной эпохи. Отказываясь от настоящей «памяти жанра», игнорируя возможности эпического романа второй половины XIX в. (о преодолении им европейской буржуазности фактически ничего не говорилось), национальная литература строилась как бы заново, на основании «передовых» социальных и классовых идей.

Г. Белая останавливается на псевдорешениях, связанных в 1920–30-е гг. с вопросом о жанре романа-эпопеи. Но, обличая всю идеологическую игру, устроители которой нередко сами проникались подлогами и начинали принимать государственное задание за науку о литературе, Г. Белая *забывает* «оправдать» вышеуказанные термины. Между тем ловко употребленные певцами революции понятия использовались еще и до них (речь идет о термине «эпический роман»), и после них («эпический роман» и «роман-эпопея»).

В 1920–30 гг. псевдоназвания должны были показывать мощь и силу советского государства, якобы устранившего вековые социальные проблемы, осуществившего слияние интереса личности с общественным интересом, литературу предполагалось использовать как мощное орудие в руках власти. И тут также требовался отказ от традиций русской классической литературы, отречение от генетической памяти универсального видения мира и человека, свойственных эпохе и эпическому роману.

Ранее мы уже отмечали одну из причин обращения русских романистов второй половины XIX в. к эпическому масштабу в достаточно спокойное внешне время. «Толстой, а за ним Тургенев, Гончаров, Достоевский показывают, что идейный и мировоззренческий кризис общества, утрата веры и религиозного сознания представляют катастрофу государственного масштаба (обратим внимание, что и власть императора издавна осознавалась у нас как данная Богом). Потеря духовно-нравственных, православных ценностей, веками хранимых русским народом, осмысливалась нашими классиками как национальная трагедия, которая неминуемо должна была привести к краху, потере русской уникальности» [Андреева 2020в: 111].

Примечательно, что указанный выше подлог наименования оказался органически вписан в советскую жизнь потому, что эпос, эпическое мировидение новые идеологи умело подчинили конъюнктурным заменам, поставив на место соборности – коллективное, а на место Бога – партийного вождя. Описывая период роста молодого советского государства, В. Свинцов в статье о творчестве классиков, вере и неверии пишет: «Но в те стародавние времена, когда Красная Армия была всех сильнее... в моей душе не находилось места для любви к Богу. По разным причинам, но и потому еще, что душа была заполнена любовью к вождям, которые никак не могли делить ее с Богом» [Свинцов: 176].

Советскими критиками и исследователями-публицистами был даже описан придуманный ими «генезис» понятия эпопеи: нашлись произведения в советской прозе, считавшиеся преддверием эпоса. При этом, критически оценивая советскую трактовку, важно показать, что в послереволюционную эпоху время проявления эпопейных возможностей в русской литературе *ограничивалось именно настоящим*.

Как показывает Г. Белая, активному продвижению новых смыслов и жанров советской литературы предшествовали справедливые замечания современников, в частности О. Мандельштама, о невыгодном и обедняющем литературу и искусство торжестве массы над личностью, которое неизменно должно было привести в дальнейшем к обеднению романа, сворачиванию психологизма и т. п. Молодому советскому государству необходимы были особые высокие образцы,

а также «нужны были другие люди, другие теоретики, которые бы могли обосновать новый “социальный заказ” и подвести основу для утверждения “небывалого”, “масштабного”, “эпического” романа (эпитеты 20-х годов)» [Белая].

Исследовательница достаточно подробно останавливается на попытке В. Переверзева скорректировать прагматический смысл концепции Г. Лукача и других идеологов советского искусства, ставивших в прямую зависимость соотношение между героическими усилиями революции и степенью эпичности романа социалистического реализма, их попытку обосновать *своей* и вычеркнуть *истинный* эпический роман. Между тем важно указать, что в последнем жизнь героя выстраивается в двух взаимосвязанных измерениях: земной горизонтали и духовной вертикали, при существовании которой возможно выйти к пониманию и признанию другого, к жизни не эгоистическими интересами, но всем миром, к тем образам «круговой поруки», взаимной ответственности, которые определяли бытие русского мира для наших классиков.

Б.И. Бурсов пронизательно уловил, что именно русская литература XIX в. нашла ту идею целого, благодаря которой стало возможно говорить об эпическом искусстве, о доминировании эпической идеи в классическом романе: «Для развития эпического искусства – в классическом его понимании – необходима идея целого, а этой идеи как раз и недоставало искусству всего длительного исторического периода, начавшегося после распада древнегреческого мира и окончившегося в результате образования прочных национальных государств» [Бурсов 1963: 13].

Г. Белая отметила, что позиция М.М. Бахтина и его взгляд на эпос и роман были во многом рождены в полемике с идеями нового советского искусства. Подчеркнем, что Бахтин стремился быть как бы «над схваткой», поэтому, конечно, ни в одной из его работ мы не найдем явной полемики, все возражения ученого выражены в форме собственных рассуждений и выводов о противопоставлении эпоса и романа. «Критика авторитарного сознания (именно на это работали идеи Бахтина о монолизме, полифонии, диалоге, значимости “другого”, “чужого” сознания), принципиально иное понимание слова “действительность”, мысль о способности писателя видеть действительность глазами жанра, новое понимание современности, которую Бахтин призывал искать “в самой форме видения, в глубине, остроте, широте и живости этого видения”, убежденность в изначальной невозможности “внутренней завершенности и исчерпанности” в романе нового времени – все это фактически не только подорвало, но как бы отменило псевдонаучный подход к исследованию жанра романа вообще и романа-эпопеи в частности», – пишет Г. Белая, показывая конфронтацию Бахтина с М. Лиф-

шицем [Белая]. Не случайно Бахтин говорил о многообразии языков, культур и времен в романе – это было сделано, конечно, в пику идее социалистического строительства.

Примечательно, что рассуждая о невозможности взаимодополнения романа и эпоса, разводя их по разные стороны баррикад, Бахтин подчеркивал, что роман может вводить в свою конструкцию другие элементы. Одна из ключевых статей Бахтина «Эпос и роман» построена на основе не просто оппозиции жанров, но резкого разграничения давно прошедшего (времени эпоей) и настоящего (времени романа). Читателю, хорошо представляющему описываемый спор сторон, становится ясна и полемическая установка Бахтина, выдвигающего на первые позиции именно роман, а не эпопею: «В дальнейшем я делаю попытку подойти к роману именно как к становящемуся жанру, идущему во главе процесса развития всей литературы нового времени» [Бахтин 1975: 454].

Про справедливость не прямого, но косвенного, скрытого даже возражения Бахтина всё более или менее понятно, но остановимся на двух важнейших моментах, которые необходимо учитывать при обращении к его трудам. Во-первых, ученый был вынужден работать в стране, где преследовались вера и религия, поэтому о божественной сущности мироздания он не мог сказать ни слова. О.А. Кравченко подчеркнула, что в одном из предисловий к своей книге «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтин отметил, что книга не может претендовать на полноту поставленных проблем, особенно на разрешение проблемы целого полифонического романа. «Проблема целого, как мы полагаем, обеспечивает проекцию диалогических связей в перспективу “последней диалогичности” или “последнего целого”. Таким образом, бахтинская полифония отражает не только горизонтальный принцип фабульной организации романа Достоевского, но и предполагает вертикаль “целого полифонического романа” как уровня высшей взаимообусловленности творца и творения», – отмечает исследовательница [Кравченко: 127]. Во-вторых, в противопоставлении эпоса и романа, в скрытом споре с советскими идеологами Бахтин сам стал заложником ситуации: он вынужден был говорить о полюсном разведении романа и эпоса, эпопеи. Описывая роман как «вечно ищущий, вечно исследующий себя самого и пересматривающий все свои сложившиеся формы жанр», «строящийся в зоне непосредственного контакта со становящейся действительностью», ученый считал, что именно роман способен воплотить настоящую жизнь, что это не масштаб эпопеи [Бахтин 1975: 482]. Процессу приобретения романом эпического характера, выдвинутому новыми идеологами (но на самом деле возможного только в определенных условиях – к примеру, в русской

литературе XIX в.), Бахтин противопоставляет романизацию: «Ни о какой гармонии на основе взаиморазграничения и взаимодополнения не может быть и речи. Роман пародирует другие жанры (именно как жанры), разоблачает условность их форм и языка, вытесняет одни жанры, другие вводит в свою собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентируя их» [Бахтин: 449].

Как справедливо отметил Н.Д. Тмарченко, в статье «Эпос и роман» Бахтин однозначно обходит стороной вопрос о жанровом и родовом синкретизме, который не раз ставился до него в работах о специфике романа: эти рассуждения были невыгодны ученому, поскольку они отдаленно перекликались с возможностью появления романа-эпопеи и утверждали (как получается) новое социалистическое искусство. Под предшественниками Бахтина Н.Д. Тмарченко понимает А.Н. Веселовского и Вяч.И. Иванова: «Бахтин, по контрасту с Веселовским, рассматривает возможный генезис эпопеи, исходя не из гипотез о синкретизме и органическом развитии, а из полярности структуры этого жанра и романного типа художественного целого [Тмарченко 2007: 40; 46].

Исследователи творчества Бахтина уже пришли к выводу о значимости для ученого не столько идей, сколько диалогического противостояния позиций. И некоторые несогласия Бахтина с А.Н. Веселовским и Вяч.И. Ивановым можно объяснить именно его желанием создания теории, полюсной взглядам советской власти на литературу и ее функции.

Несмотря на то, что концепция полифонического романа Бахтина выростала на идеях Вяч.И. Иванова, Бахтин, как отмечает О.А. Кравченко, «критически относится к ивановскому определению формы романа как “романа-трагедии”, расценивая ее как “художественный гибрид”» [Кравченко: 120]. Бахтин аккуратно обходит идеал хорового начала, соборного единения, играющий значительную роль в работе Вяч.И. Иванова, у которого всенародность часто ассоциируется с эпичностью.

Вяч.И. Иванов в работе «Достоевский и роман-трагедия», оговариваясь об отличии вершинных образцов романа второй половины XIX в. от эпоей Гомера, все-таки подчеркивает необходимость выделения лучших романов указанного времени в отдельную группу, рассуждая об их соотношении с эпосом: «Наш роман большого стиля... я назвал бы, – применяя термин, предложенный рано умершим и даровитейшим французским критиком Геннекеном, – романом демотическим (от слова демос – народ). ...Этот роман среднего, демотического искусства возвышается в созданиях, прежде всего, самого Достоевского до высот мирового, вселенского эпоса и пророчесственного самоопределения народной души» [Иванов]. Ученый считает, что роман-трагедию необходимо рассматривать

не как искажение чисто эпического романа, а «как его обогащение и восстановление в полноте присутствующих ему прав» [Иванов]. С Ивановым в данном случае можно вполне согласиться, если сделать оговорку о понимании под трагичностью не древних форм, соотносимых с трагедиями, но особого мироощущения, состояния. «Трагичность в русском романе совершенно особенная: она зачастую и переводит частную тему в общий план, придает ей эпическое звучание», – отмечал Б.И. Бурсов [Бурсов 1967: 374].

Обратим внимание на тот факт, что Бахтин находит у Иванова, выявляет и отрицает монологическое (почти синоним эпического), а также соотнесения с эпопеей – нельзя не оценивать этот ход отчасти как полемический уже не столько по отношению к Иванову, сколько в направлении советского литературоведения. «Таким образом, Вячеслав Иванов, найдя глубокое и верное определение для основного принципа Достоевского – утвердить чужое “я” не как объект, а как другой субъект, – монологизовал этот принцип, т. е. включил его в монологически сформулированное авторское мировоззрение и воспринял лишь как содержательную тему изображенного с точки зрения монологического авторского сознания мира», – писал Бахтин в «Проблемах творчества Достоевского» [Бахтин].

Взяв у Иванова основу для теории диалогичности, Бахтин, как показывает Н.Д. Тамарченко, в противопоставлении эпоса и романа следовал за А.Н. Веселовским, по всей видимости, очень не желая выходить к эпосу нового и новейшего искусства: «В действительности мысль Вяч. Иванова явно прорезывает круг, намечая – в противовес дихотомии “эпос – роман” у Веселовского – циклический процесс эволюции: от первоначального эпоса к роману, а от него – к новому, возрожденному эпосу» [Тамарченко 2007, 37–38]. Так, основывая свою новую концепцию на фундаменте, построенном Ивановым, Бахтин в противопоставлении эпоса и романа соглашается с А.Н. Веселовским, который описал ощущения новых романистов, оказавшихся в слишком сложном мире, наполненном проблемами, событиями, подробностями психологической жизни людей: они «ощутили себя чем-то отдельным от эпика, не рассказчиками старого предания, а изобразителями нового, реального» [Веселовский]. Отмечая усложнение жизни и ее воплощение в художественном мире романа, написанного прозой, Веселовский еще не увидел значительных поэтических обобщений русских классиков первого ряда.

Не будем подробно останавливаться на оппозиции ранних убеждений Н.Я. Берковского и М.М. Бахтина, отметим лишь, что ставший одним из зачинателей большого спора, Берковский позднее отошел от прежних своих позиций, глубоко и всесторонне обосновав эпическую широту русского классического романа.

Нельзя исключать того факта, что позиция и убеждения позднего Берковского оказались сформированными именно благодаря возражениям М.М. Бахтину, полемике на тему эпического в литературе, которая вывела его уже в 1960–70-е гг. к осмыслению мирового значения русской классики. То есть от «фокуснического устранения реальности», от марксистской парадигмы благодаря именно оппозиционным суждениям Берковский проделал путь до утверждения жизни в большом эпосе. Настоящий эпос современности он открыл для себя и описал для читателей именно в русской классике XIX в.: «Западная критика уже давно оценила русский роман как эпопею. По крайней мере, во всех отзывах о Толстом, от самых ранних и до отзывов сегодняшних, проводится сравнение Толстого с Гомером, “Войны и мира” с “Илиадой” и с “Одиссеей”. К сожалению, сравнения эти делаются в чересчур буквальном смысле и во Льве Николаевиче не шутя хотят видеть древнего аэда, а в “Войне и мире” – поэму в прозе о древних воинах и патриархах» [Берковский: 42]. Причем именно русская классика XIX в., а не советская проза стала для Берковского эталоном эпического искусства в новом времени: «Разумеется, эпический стиль в новом русском искусстве иной, он только создает впечатление наивной реальности, на деле же он прошел через все усложнения современной культуры. Он предполагает зрителя, но он преодолевает обособленность зрителя» [Берковский: 105].

В 1960-е гг. проблема эпического ставится в литературоведении неоднократно, особенно активно она обсуждается на страницах журнала «Вопросы литературы». Стоит упомянуть статью Е.М. Мелетинского «Вопросы теории эпоса в современной зарубежной науке» [Мелетинский]. В ней ученый противопоставляет советских фольклористов, анализирующих эпическую героину, и индивидуалистическую концепцию эпического богатырства, разработанную английскими учеными. В указанном противопоставлении есть доля истины, но Е.М. Мелетинский проводит его с позиции советского понимания эпического: «Поднимая вопрос о характере эпической идеализации, мы полемизируем уже не только с индивидуалистической концепцией природы эпического, мы оспариваем и “аристократизм” эпоса, и присущее “исторической школе” представление о прямом отражении исторических фактов и лиц» [Мелетинский]. К описанию современного эпического искусства подключаются В.В. Кожин и М.Б. Храпченко. Первый в статье «Роман – эпос нового времени» [Кожин] полемизирует с В.Д. Днепровым, доказывая существование эпоса в современной литературе: «Современный роман насквозь пронизан внутренними токами лиризма. Но это не мешает ему быть эпической, “объективированной” картиной человеческой жизни» [Кожин].

М.Б. Храпченко в работе «Искусство эпических обобщений» [Храпченко] возвращается к рассуждениям о русской классике, в частности – о творчестве Л.Н. Толстого. Конечно, мастерство Толстого-реалиста связывается ученым с видением и пониманием определенных общественных процессов, с неприемлемой позицией по отношению к угнетателям, но М.Б. Храпченко отмечает, что «описание крупных исторических явлений» не всегда составляет «неотъемлемую особенность эпоса нового времени»: «Такого рода освещение жизни отсутствует и в “Анне Карениной”, и в “Воскресении”. И это, однако, не лишает названные романы их подлинно эпической масштабности» [Храпченко].

Достоинство вышеуказанных статей заключается даже не столько в решении возникавших вопросов, сколько в их постановке: еще в статье 1957 г. В.В. Кожин обозначил три различных толкования термина «эпическое»: определенный, эпический способ изображения; монументальную (эпопейную) картину действительности; объективный, отличающийся спокойствием эпический образ.

Н.Д. Тамарченко выделяет две ветви исследований эпоса, эпического: осмысление образа мира в художественном произведении и осмысление типа художественного текста. Большинство работ советских литературоведов он относит к первой ветви: «На общем фоне чрезвычайно популярных у нас в XX в. описательных работ такого рода немногие более продуманные исследования выделяются идеей, согласно которой историческое назначение романа состоит как раз в том, чтобы он стал подобием эпопеи (“роман – эпос нового времени”) и, следовательно, “синтетические” или “открытые” формы, осуществившие это назначение, должны быть противопоставлены другим формам этого жанра, не являющимся “подлинными”, “настоящими” романами [Тамарченко 2003: 220]. Н.Д. Тамарченко здесь в целом отражает общую оценку работ советских ученых, однако она получается уж слишком негативно-однозначной: не все исследователи так жестко выстраивали линию перерастания романа в эпопею.

Сложно согласиться с Г. Белой и в оценке трудов А.В. Чичерина: цитируя его уже поздние работы, исследовательница делает вывод, что А.В. Чичерин «скорее внушал, чем структурировал признаки жанра», что в лексике его «сохранялась ходульная риторика», а роман-эпопея рассматривался с точки зрения «истинно советского историзма». Необходимо учитывать, что работы советских литературоведов всегда проходили своеобразную цензуру, и А.В. Чичерин, несколько раз арестованный советской властью, сосланный на Урал, после живший в Орле, Воронеже и Костроме, вынужден был не только скрывать свою истинную позицию (он был верующим человеком,

что очень тонко отражено во всех литературоведческих трудах ученого), но и обходиться общепринятыми формулами, чтобы его работы были опубликованы. На следующий год после защиты Чичериным докторской диссертации (1947 г.), посвященной жанру романа-эпопеи, его уволили с работы, поскольку ученый не скрывал своей веры в Бога.

В диссертации и ряде последующих книг Чичерин (достаточно рано по сравнению со многими советскими учеными) выходит к важным открытиям и прозрениям относительно жанра романа-эпопеи, обретения романом особой широты и эпической доминанты в русской классической литературе. «Ходульной риторике» Чичерин не мог избежать в силу жизни и работы в СССР, но многие его философские обобщения и выводы доказывают осмысление ученым того религиозного сознания, которое было свойственно русским классикам, нашло воплощение в их художественных мирах и позволило им воплотить эпическую широту мира. Так, Чичерин пишет, что Гегель «совершенно прав, когда полноту, додуманность, завершенность считает законным требованием настоящего эпического искусства»: «Да, необходима завершенность, полнота образа, даже отдельной фразы, тем более произведения в целом – всё это так. Но в том-то и дело, что незавершенность, говорящая о бесконечности жизни, открывающая беспредельный простор, и есть подлинная полнота “абсолютного эпоса”» [Чичерин: 25].

По нашему мнению, основные положения поздних работ А.В. Чичерина стоит относить не к прославлению советского искусства, а к независимым и объективным рассуждениям о жанре. Заслуга Чичерина в построении ряда эпических жанров, в обосновании термина роман-эпопея признается большинством современных исследователей. Н.Л. Лейдерман в своей последней книге «Теория жанра: исследования и разборы» отметил, что полностью поддерживает Чичерина в том, что роман-эпопея – это логичное завершение всех жанров, вершина эпического искусства. Между тем стоит кратко остановиться и на показателем изменении позиции Н.Л. Лейдермана, активно употреблявшего термин эпический роман в своих трудах разных лет.

В монографии «Движение времени и законы жанра», вышедшей в Свердловске в 1982 г., Н.Л. Лейдерман подробно рассматривает понятие эпический роман, причем делает это очень аккуратно, по всей видимости, проникательно уловив сложность и неоднозначность этого термина. Ученый считает, что в работе Бахтина «Эпос и роман» была произведена «передвижка» теоретических масштабов, так как Бахтин начал свои исследования с постановки жанровых проблем, а затем перешел на общий теоретический уровень [Лейдерман 1982: 134].

Примечательно, что характерные обобщения Бахтина отмечают многие современные исследователи. Так, С.И. Ермоленко считает, что «...положение Бахтина “верно” относительно романа как жанра вообще, “неактуальными” же для “конкретных периодов” могут оказаться те или иные типы романа, те или иные его жанровые модификации» [Ермоленко: 38].

Выдвигая предположение, что Бахтин термином «роман» обозначил не просто жанр, а «некую принципиальную направленность содержательной формы (“конститутивные черты”), свойственную целой группе жанров и опредмечивающую их семантическое родство», Лейдерман в книге 1982 г., в рассуждении о романе как об эпосе нового времени достаточно прямо и идеологически односторонне опирается на Белинского [Лейдерман 1982: 135]. Нельзя сказать, что Лейдерман в чем-то заблуждался, поскольку в монографии нет четкой привязки ко времени: ученый не говорит об однозначном появлении эпического романа и романа-эпопеи в советском искусстве, более того, его определение эпического романа можно считать универсальным, полным и актуальным: «В романе нового времени самой влиятельной была традиция эпического романа (или точнее – романа объективно-повествовательной структуры). В этом типе романа эпический смысл, открывающий объективные связи действительности (со-бытие), воплощается в самой адекватной форме – в форме объективированного саморазвития художественного мира, подчеркнуто независимого от восприятия субъекта речи. ...Разумеется, новое рождение эпического романа обусловлено и творческой активностью художников особого, эпического склада, мерой их проникновения в объективные процессы действительности» [Лейдерман 1982: 142–143].

Однако в указанной монографии 1982 г. Лейдерман отдал дань советскому пониманию эпического искусства: он попытался притянуть к эпическому роману «Живые и мертвые» К. Симонова, назвав произведение «большой удачей эпической традиции», отметив, что у автора получилась «новая разновидность эпического романа-хроники» [Лейдерман 1982: 143].

Между тем в книге Н.Л. Лейдермана «Теория жанра: исследования и разборы», вышедшей в Екатеринбурге в 2010 г., раздел 4.3. имеет название «Опыт несостоявшегося синтеза (Трилогия К. Симонова “Живые и мертвые”»». Ученый с высоты уже постсоветского времени еще раз оценивает возможность появления эпопеи в советском искусстве, причем значимо тут и сравнение не с древними эпопеями, но с русской классикой: «Сразу же после окончания Второй мировой войны появились прогнозы относительно того, когда и кем будет написан новый роман-эпопея, подобный “Воине и миру”» [Лейдерман

2010: 292]. Лейдерман показывает, что усилия К. Симонова по созданию эпопеи не увенчались успехом.

Ученый справедливо называет роман-эпопею «ансамблевым жанром», подчеркивает, что мирообраз в нем всегда формируется на основе синтеза следующих жанровых структур: семейно-бытового, социально-психологического, исторического и философского романов» [Лейдерман 2010: 299]. Он подходит к определению эпического романа как вершинной и доминантной формы жанра второй половины XIX в., наиболее полной, вбирающей в себя многие жанровые разновидности. Рассуждения Лейдермана логично вписаны в историю развития и становления жанра романа. В.И. Козлов отмечает, что «в наследии ученого жанр используется как инструмент прочтения – эта нацеленность на прикладное значение жанра как категории, позволяющей значительно углублять прочтение литературного произведения, вписывает уральского теоретика в общеевропейский контекст жанровых исследований конца XX века» [Козлов: 506].

Однако очень важны в последней монографии Лейдермана рассуждения не просто о жанровой специфике, но об особом *духовном состоянии русских писателей* и настроениях общества: «Формирование романа-эпопеи всегда идет неспешно. Оно определяется не только тем, что в теории систем называется “пространством способностей” (в данном случае – субъективными устремлениями и талантом художника), но прежде всего “пространством возможностей”, то есть “состоянием мира” и “состоянием духа”, а также определенным уровнем жанрового развития литературы» [Лейдерман 2010: 298]. Именно внимание к состоянию духа человека, неведомая западноевропейскому обществу соборность русской жизни отличает наш эпический роман. Несомненно связь появления этой жанровой доминанты и с определенным уровнем развития русского реализма. Найденная русскими писателями уникальная пропорция в представлении действительности и идеала, Божественного промысла, который и в жизни явлен не в виде чудес, а в виде улавливаемых людьми совпадений, позволили им сосредоточиться не на какой-то одной сфере жизни, но представить в своих художественных мирах уникальное совмещение интереса к социальным вопросам, психологии, политике, к вечным проблемам, в том числе вопросу иного бытия, влияния Провидения на судьбу человека и движение истории.

Для дальнейшего рассуждения важно провести различие между романом-эпопеей и эпическим романом. Вслед за Г.Д. Гачевым можно с уверенностью сказать, что для эпопеи нужна война, изображение этой войны в художественном мире произведения, переживание ее личностью, народом, государством: «Тогда государство идет на поклон, обращаясь с воззванием к народу

и называет своих членов уже не “граждане” и не “подданные”, а “дорогие соотечественники”, “братья и сестры”, “друзья мои”, т. е. применяет понятия из обихода естественного, патриархального общежития. Тогда – перед лицом смерти – может, как впервые, встать и проясниться и вопрос его (данного государственного целого) рождения и сути: что оно не вечно, а из чего-то и для чего-то на время рождается; и здесь демонстрируется зависимость государства от народа, политической жизни – от трудовой, общества – от природы» [Гачев: 83–84]. Однако в жизни каждого государства и народа бывают кризисные ситуации, которые даже при отсутствии внешних угроз ставят страну на грань кардинальных изменений, когда в дальнейшем может быть поставлен вопрос о небытии государства – как правило, речь идет о глобальных процессах внутри страны, которые являются и отражением общемировых тенденций, угроз и т. п. В любом случае основой эпического романа, в котором может и не быть внешних потрясений, становится глубинный духовный кризис общества, во время которого неизменно ставится вопрос о противопоставлении рассудка верующему разуму.

Возвращаясь к статье Г. Белой, подытожим, что при верной оценке полемики 1920–30-х гг., исследовательница оставляет без внимания истинные смыслы терминов роман-эпопея и эпическое, фактически соглашаясь с Г.Н. Пospelовым лишь в возможности их метафорического употребления по отношению к литературе нового и новейшего времени. Оговорившись о полемичности статей М.М. Бахтина, исследовательница не учитывает их многозначность, распространяя марксистскую парадигму почти на все работы ученых XX в. Между тем возвращение «от версий о реальности к самой реальности» требует и особо внимательного прочтения работ М.М. Бахтина. По нашему мнению, наряду с указанием на полюсные различия романа и эпопеи, принципиальное разведение их во времени, ученый сделал особые замечания относительно национальной специфики развития литератур: «Мир эпопеи – национальное героическое прошлое, мир “начал” и “вершин” национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир “первых” и “лучших» [Бахтин 1975: 456]. В контексте размышлений о русской литературе акценты должны быть расставлены совсем другим образом, нежели при абстрактном рассуждении о жанрах вне привязки к стране и времени.

Список литературы

Андреева В.Г. Народная тема как эпическая основа романа И.С. Тургенева «Новь» // Известия Южного федерального университета. 2020а. № 4. С. 169–181. DOI <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-4-169-181>

Андреева В.Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020б. Т. 2. № 2. С. 192–227. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>

Андреева В.Г. Феномен русского эпического романа // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020в. № 6. С. 110–117. DOI <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.110>

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. URL: http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1929_problemy_tvorchestva_dostoevskogo.shtml

Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 447–483.

Беглов В.А. Эпопея в русской литературе XIX–XX вв.: становление и трансформации: автореф. ... докт. филол. наук. 2006. 46 с.

Белая Г. «Фокусническое устранение реальности»: (О понятии «роман-эпопея») // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 170–201. URL: <https://voplit.ru/2021/03/29/fokusnicheskoe-ustranenie-realnosti-oponyatii-roman-eroreya/> (дата обращения: 03.06.2021).

Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. 184 с.

Бурсов Б.И. Лев Толстой и русский роман. М.; Л.: АН СССР, 1963. 152 с.

Бурсов Б.И. Национальное своеобразие русской литературы. Л.: Сов. писатель, 1967. 396 с.

Веселовский А.Н. История или теория романа? URL: http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_1886-istoria_ili_teoria_romana.shtml (дата обращения: 03.06.2021).

Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. М.: Просвещение, 1968. 302 с.

Гулин А.В. Несбывшийся эпос (Л.Н. Толстой в работе над романом из времени Петра I) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 86–117. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117>

Ермолаева Н.Л. Многозначность образа камня в эпическом мире романной трилогии И.А. Гончарова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 8–16. DOI <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-8-16>

Ермоленко С.И. Роман в русской литературе 80-х гг. XIX века: к проблеме «кризиса» жанра // Филологический класс. 2015. № 3 (41). С. 36–40.

Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия. URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0010.shtml

Казакова С.К. Частный интерес и общее благо: отзвук эпохи великих реформ в романе И.А. Гончарова «Обрыв» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 95–102. DOI <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.530>

Козлов В.И. Н.Л. Лейдерман. Теория жанра // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 506–509.

Кожин В.В. Роман – эпос нового времени // Вопросы литературы. 1957. № 6. С. 64–93.

Кравченко О.А. Концепция «романа-трагедии»: полемика М. Бахтина с Вяч. Ивановым // Новый филологический вестник. 2011. № 1 (16). С. 120–128.

Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. книж. издат., 1982. 256 с.

Лейдерман Н.Л. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург, УрГПУ, 2010. 904 с.

Мелетинский Е. Вопросы теории эпоса в современной зарубежной науке // Вопросы литературы. 1957. № 2. С. 90–112.

Михновец Н.Г. Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка // Вестник Костромского государственного университета. 2020а. Т. 26, № 2. С. 132–138. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138>

Михновец Н.Г. Эпический разворот сюжета вины от сна Прохарчина к сну Дмитрия Карамазова // Научный диалог. 2020б. № 9. С. 265–283. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-265-283>

Свищов В. Вера и неверие: Достоевский, Толстой, Чехов и другие // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 176–207.

Тамарченко Н.Д. М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский и Вяч.И. Иванов: теория романа и его историческая поэтика // Новый филологический вестник. 2007. № 2 (5). С. 34–48.

Тамарченко Н.Д. Эпика // Теория литературы. Т. 3. Роды и жанры. М.: ИМЛИ РАН 2003. С. 219–244.

Храпченко М.Б. Искусство эпических обобщений // Вопросы литературы. 1960. № 10. С. 66–86.

Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. М.: Сов. писатель, 1975. 376 с.

References

Andreeva V.G. *Narodnaia tema kak epicheskaia osnova romana I.S. Turgeneva “Nov”* [Folk Theme as an Epic Basis of Ivan Turgenev’s Novel “Virgin soil”]. *Izvestiia Iuzhnogo federal’nogo universiteta* [News of the Southern Federal University], 2020а, № 4, pp. 169–181. DOI <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-4-169-181> (In Russ.)

Andreeva V.G. *Obraz zemli kak odna iz epicheskikh osnov khudozhestvennykh mirov romanov L.N. Tolstogo* [The image of the earth as one of the epic foundations of the artistic worlds of Leo Tolstoy’s novels]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020b, vol. 2, № 2, pp. 192–227. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227> (In Russ.)

Andreeva V.G. *Fenomen russkogo epicheskogo romana* [The phenomenon of the Russian epic novel]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological sciences. High school scientific reports], 2020v,

№ 6, pp. 110–117. DOI <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.110> (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Problemy tvorчества Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Creativity]. URL: http://az.lib.ru/b/bakhtin_m_m/text_1929_problemy_tvorchestva_dostoevskogo.shtml (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and novel]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1975, pp. 447–483. (In Russ.)

Beglov V.A. *Epopeia v russkoi literature XIX–XX vv.: stanovlenie i transformatsii*: avtoref. ... dokt. fil. nauk [Epic in Russian literature of the XIX–XX centuries: PhD thesis], 2006, 46 p. (In Russ.)

Belaia G. *“Fokusnicheskoe ustranenie real’nosti” (O ponyatii “roman-epopeia”)* [“Fictional elimination of reality” (On the concept of “novel-epic”)]. *Voprosy literatury* [Voprosy literatury], 1998, № 3, pp. 170–201. URL: <https://voplit.ru/2021/03/29/fokusnicheskoe-ustranenie-realnosti-o-ponyatii-roman-epopeya/> (In Russ.)

Berkovskii N.Ia. *O mirovom znachenii russkoi literatury* [On the world significance of Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 184 p. (In Russ.)

Bursov B.I. *Lev Tolstoi i russkii roman* [Leo Tolstoy and the Russian novel]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1963, 152 p. (In Russ.)

Bursov B.I. *Natsional’noe svoeobrazie russkoi literatury* [National originality of Russian literature]. Leningrad, Sov. pisatel’ Publ., 1967, 396 p. (In Russ.)

Veselovskii A.N. *Istoriia ili teoriia romana?* [History or theory of the novel?] URL: http://az.lib.ru/w/weselovskij_a_n/text_1886_istoria_ili_teorija_romana.shtml (In Russ.)

Gachev G.D. *Soderzhatel’nost’ khudozhestvennykh form* [The richness of artistic forms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968, 302 p. (In Russ.)

Gulin A.V. *Nesbyvshiisia epos (L.N. Tolstoi v rabote nad romanom iz vremeni Petra I)* [An unrealised epic (Leo Tolstoy busy with a novel of the days of Peter I)]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020, vol. 2, № 3, pp. 86–117. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117> (In Russ.)

Ermolaeva N.L. *Mnogoznachnost’ obraza kamnia v epicheskom mire romannoii trilogii I.A. Goncharova* [Multiple meanings of the image of stone in the epic world of the novel trilogy by I. A. Goncharov]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological bulletin], 2020, № 2 (21), pp. 8–16. DOI <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-8-16> (In Russ.)

Ermolenko S.I. *Roman v russkoi literature 80-kh gg. XIX veka: k probleme “krizisa” zhanra* [A novel in Russian literature of the 80s. XIX century: on the problem of the “crisis” of the genre]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2015, № 3 (41), pp. 36–40. (In Russ.)

Ivanov V.I. *Dostoevskii i roman-tragediia* [Dostoevsky and the tragedy novel]. URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0010.shtml (In Russ.)

Kazakova S.K. *Chastnyi interes i obshchee blago: otzvuk epokhi velikikh reform v romane I.A. Goncharova "Obryv"* [Private interest and common good: echo of the great reforms era in Ivan Goncharov's novel "The Precipice"]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, № 7, pp. 95–102. DOI <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.530> (In Russ.)

Kozlov V.I. *N.L. Leiderman. Teoriia zhanra* [N.L. Leiderman. The theory of genre]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2012, № 4, pp. 506–509. (In Russ.)

Kozhinov V.V. *Roman – epos novogo vremeni* [The novel is an epic of modern times]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1957, № 6, pp. 64–93. (In Russ.)

Kravchenko O.A. *Kontsepsiia "romana-tragedii": polemika M. Bakhtina s Viach. Ivanovym* [The concept of a "novel-tragedy": M. Bakhtin's polemic with Vyach. Ivanov]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological bulletin], 2011, № 1 (16), pp. 120–128. (In Russ.)

Leiderman N.L. *Dvizhenie vremeni i zakony zhanra* [The movement of time and the laws of the genre]. Sverdlovsk, Sred.-Ural. knizh. izdat. Publ., 1982, 256 p. (In Russ.)

Leiderman N.L. *Teoriia zhanra: issledovaniia i razbory* [Genre theory: research and analysis]. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2010, 904 s. (In Russ.)

Meletinskii E. *Voprosy teorii eposa v sovremennoi zarubezhnoi nauke* [Questions of the theory of the epic in modern foreign science]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1957, № 2, pp. 90–112. (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Roman L.N. Tolstogo "Voskresenie" kak epicheskii: avtorskii podkhod k izobrazheniiu faktov sovremennosti i ikh otsenka* [The novel "Resurrection" by Leo Tolstoy as an epic – the author's approach

to the image of facts of contemporaneity and their appraisal]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020a, vol. 26, № 2, pp. 132–138. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138> (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Epicheskii razvorot siuzheta viny ot sna Prokharchina k snu Dmitriia Karamazova* [Epic Reversal of the Plot of Guilt from Prokharchin's Dream to Dmitry Karamazov's Dream]. *Nauchnyi dialog* [Nauchnyi dialog], 2020b, № 9, pp. 265–283. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-265-283> (In Russ.)

Svintsov V. *Vera i neverie: Dostoevskii, Tolstoi, Chekhov i drugie* [Faith and unbelief: Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov and others]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1998, № 5, pp. 176–207. (In Russ.)

Tamarchenko N.D. *M.M. Bakhtin, A.N. Veselovskii i Viach.I. Ivanov: teoriia romana i ego istoricheskaia poetika* [M.M. Bakhtin, A.N. Veselovsky and Viach.I. Ivanov: Theory of the Novel and Its Historical Poetics]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2007, № 2 (5), pp. 34–48. (In Russ.)

Tamarchenko N.D. *Epika* [Epica]. *Teoriia literatury* [Theory of literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, t. 3: *Rody i zhanry* [vol. 3: Clans and genres], pp. 219–244. (In Russ.)

Khrapchenko M.B. *Iskusstvo epicheskikh obobshchenii* [The art of epic generalizations]. *Voprosy literatury* [Voprosy literature], 1960, № 10, pp. 66–86. (In Russ.)

Chicherin A.V. *Vozniknovenie romana-epopei* [The emergence of the epic novel]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1975, 376 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.05.2021; одобрена после рецензирования 20.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 12.05.2021; approved after reviewing 20.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.